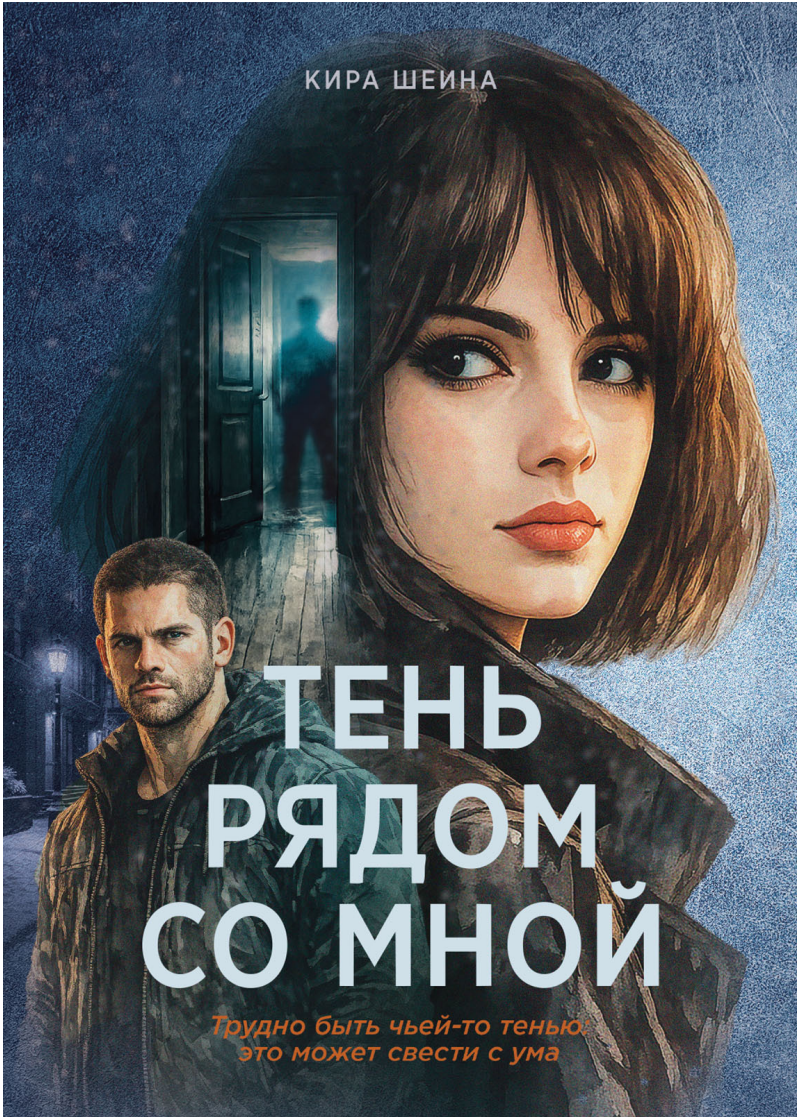

КИРА ШЕИНА
ТЕНЬ РЯДОМ СО МНОЙ
Трудно быть чьей-то тенью:
это может свести с ума

Кира Шеина

Тень рядом со мной

Серия «Книги для подростков (Проф-Пресс)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74707231
Тень рядом со мной:
ISBN 978-5-378-36158-8

Аннотация

Моё сердце всегда принадлежало ему. И в детстве, когда он был робким нескладным мальчишкой, и спустя годы, когда возмужал и стал чемпионом по боям без правил. Спрятав безответную любовь в глубине души, я оставалась верной подругой и, как тень, неизменно была рядом с ним. Но что, если у меня тоже есть тень? Она притаилась в темноте и сделает всё, чтобы увлечь меня в бездну…

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Кира Шеина
Тень рядом со мной

© Издательский дом «Проф-Пресс», составление, оформление, 2026
© Кира Шеина, текст, 2026

Глава 1

– Как тебе это?

– Банальное.

– А это?

– Ей не подойдёт.

Влад отложил очередную подушечку с украшением на прозрачный прилавок. Драгоценный камень в золотой оправе равнодушно блеснул под густым жёлтым светом настольной лампы.

– Лис, признайся, – вздохнул он тоскливо. – Ты просто вредничаешь.

– Ничуть, – пожала плечами я. – Мало, чтобы кольцо просто было красивым. Оно должно подходить будущей хозяйке по характеру.

Девушка-консультант одобрительно улыбнулась, а Влад с сомнением почесал коротко стриженный затылок.

– Хочешь сказать, Лере ничего из этого, – он широко взмахнул рукой, – не подойдёт? Почему?

Я промолчала. На языке крутилось язвительное:

«Лере плевать, подойдёт ли ей кольцо. Она обрадуется только ценнику с внушительным количеством нулей. А тебе, видимо, мозги на ринге отбили, раз ты этого не видишь», но ссориться с лучшим другом не хотелось.

Я давно не видела Влада таким счастливым: глаза сияют,

улыбка не сходит с губ, а все мысли и разговоры только о «великолепной» идее сегодня после боя сделать Лере предложение. Он огорошил меня этой новостью несколько дней назад, и я едва удержалась от нервного смеха. И дело даже не в моей давней и безответной любви (хотя, чего скрывать, болезненный комок из груди не исчезал), но и в разрушенной надежде, что Романов заметит истинный характер Леры. Не заметил – захотел жениться.

Говорить что-то упрямому другу бесполезно: Влад слишком твердолобый. Пока не поймёт сам, доказать не сможешь, лишь рискуешь нарваться на ссору.

Именно поэтому пришлось поздравлять его и тащиться выбирать кольцо.

В ювелирном магазине мы проторчали почти час. Долго спорили, но всё-таки пришли к решению.

Когда вышли на улицу, в нагрудном кармане Влада в красной коробочке лежало изящное колечко с бриллиантом. Не шесть нолей, конечно, но Влад не поскупился. Я знала, что друг сейчас на пике своей карьеры, но, потратив такую большую сумму на обычное украшение, он меня удивил. Слишком резким казался контраст с тремя-четырьмя годами ранее, когда мы экономили деньги, чтобы раз в три месяца поесть в самом простом ресторане города и повеселиться в боулинге.

Романов открыл для меня дверь на заднее сиденье такси и, как только я оказалась в салоне, залез следом. В маленькой

легковушке большой Влад смотрелся нелепо: коленки упирались в переднее кресло, широкие плечи едва пролезли в дверь, а макушка доставала до крыши. Неудивительно, что для себя он купил огромный джип.

– Весело тебе? – Друг тяжело вздохнул. – Чёртов сервис, уже неделю мучают мою машину.

Я показала язык и пристегнулась. В салоне удушающе сладко пахло ароматизатором, поэтому пришлось открыть окно. Ветер взметнул короткие пряди и бросил в лицо горсть придорожной пыли, когда машина сорвалась с места. Я чихнула и полезла в карман взять завибрировавший телефон.

Влад бесцеремонно покосился через плечо.

– Опять этот козёл? – недовольно буркнул он.

– Он не козёл, а мой потенциальный парень, – вздохнула я.

– Даже не думай, Лис. Он мне не нравится.

– Так и не тебе с ним встречаться.

– Лис!

– Что?

Пока Романов придумывал, что сказать, я ответила на звонок.

– Костя, привет, – широко улыбнулась я сквозь силу.

К Косте Лешему я не испытывала симпатии и про «потенциального парня» соврала из вредности.

– Алиса, здравствуй! – Тягуче-сладкий тон собеседника давил на нервы. – Пойдём в театр сегодня в семь? Я купил два билета на чудесную пьесу.

Точек соприкосновения у нас с Костей не было. Наше общение с детства приносило мне лишь дискомфорт, но Леший был сыном близкой маминой подруги, поэтому приходилось терпеть.

– Сегодня? – Я покосилась на Влада.

– Бой! – рявкнул он и потянулся было за телефоном, но я увернулась и приложила гаджет к другому уху.

– Ты опять с этим громилой? – обиженно проворчал Костя.

Из груди вырвался усталый вздох: истерику Лешего слушать не было сил.

– Да, Костя, я с Владом, – отозвалась я, зажимая рот Романову, который снова собирался что-то сказать. – И нет, я не смогу пойти с тобой. У Влада сегодня важный бой.

Друг довольно кивнул, легко укусил меня за ладонь и победно ухмыльнулся, когда я зашипела.

– Алиса, милая, – едва не скрипел зубами от досады Костя, – такой девушке, как ты, нельзя смотреть на грязь и драки! Балет, театры, концерты классической музыки – вот что…

Леший снова перешёл грань. Я чудом удержалась от порыва сбросить звонок и вежливо оборвала нудные нравоучения:

– Кость, прости, не могу разговаривать. Созвонимся завтра. Маме привет.

Когда машина завернула во двор моего дома, мы с Вла-

дом уже спорили на повышенных тонах. Таксист с опаской косился в зеркало заднего вида, но не делал замечаний. Да и неудивительно: возразить Владу мог только самоубийца.

Спор крутился вокруг Кости. Романов пытался доказать, что чувствует его гнилую душонку, и умолял послать Лешего, не обращая внимания на связи и попытки родителей свести нас. Я чувствовала себя глупо от ощущения, что злость Влада заставляет сердце взволнованно учащать ритм. Подсознание пыталось обманывать и воспринимать её как ревность, поэтому приходилось усилиями воли включать разум. Даже если это ревность, то всего лишь братская.

– Второй подъезд, – сказала я таксисту, расстегнула ремень и повернулась к другу. – Всё, Романов, прекращай бурчать. Побереги нервы, у тебя сегодня важный день.

– Важный. – Влад кивнул головой. – Лис, и я очень хочу, чтобы в этот важный день ты была рядом.

Если ты про бой, дорогой мой друг, то когда было иначе? Но как тебе объяснить, что твоё предложение другой девушке – последнее, чему я хочу стать свидетелем? Пытаешься убедить меня в неискренности Лешего, а сам не видишь, с кем хочешь связать жизнь.

Я снова проглотила упрёк, понимая, что тоже необъективна. Да, я искренне считала, что Лера – меркантильная змея, но за руку-то я её не ловила, а значит, и сама могла злиться из-за банальной ревности. Вот только совсем не сестринской…

– Спасибо! – Я улыбнулась таксисту и схватилась за дверную ручку.

– Ли-и-ис? – вкрадчиво протянул Влад.

Обернулась, вздохнула и наклонилась, чтобы коротко чмокнуть в колючую небритую щёку.

Сердце привычно заныло.

– Вот так хорошо, – довольно кивнул Романов, – и не дуйся. А этот твой Костя пусть только покажется на глаза – отправится в нокаут.

– И где же твоя спортивная этика? – фыркнула я. – Он меньше тебя в три раза. И слабее.

– Именно поэтому он тебе не подходит, – категорично заявил Влад. – Всё, Лис. Жду в клубе в восемь. Кабинет Геры в твоём распоряжении. Помнишь про королевские розы? Белые.

Я устало кивнула. Лера обладала изысканным вкусом на цветы, а из-за того, что Влад перед боем будет занят, за букетом для предложения поеду я. И кто бы знал, как горько и тошно от одной только мысли об этом!

Влад послал мне воздушный поцелуй и назвал таксисту адрес клуба. Такси уже скрылось за поворотом, а я всё задумчиво смотрела ему вслед и пыталась собрать расплывшиеся мысли.

На горизонте клубились чёрные тучи. Тёплый ветер усиливался и хлестал резкими порывами. Зонта с собой не было, но я решила не возвращаться в квартиру и прогулять-

ся по району, чтобы усмирить кружившие коршунами мысли. Сначала показалось, что я добилась успеха, но стоило закрыть за собой дверь квартиры, как обострилось колкое ощущение одиночества.

Влад женится. Он и правда женится. Внутри медленно и болезненно умирала привычная надежда, что всё изменится. Что мои неразделённые чувства чудесным образом окажутся взаимными или, на худой конец, я раз и навсегда избавлюсь от них. Но ни первого, ни второго не произошло.

Крохотный коридор утопал в удушливой темноте. Я спиной прислонилась к двери и глубоко задышала, чтобы успокоиться.

Простояла так несколько минут, опираясь о высокий комод, а потом в голень уткнулась пушистая морда Снежка. Белоснежный кот громко замурчал, и все попытки взять себя в руки неожиданно рухнули. Не заботясь о чистоте светло-бежевых брюк, я села прямо на входной коврик, прижала к груди Снежка, зарылась носом в шерсть и заревела. Совсем не женственно, громко и унизительно.

– Почему? – всхлипывала я глухо. – Почему всё так?

Мы подружились с Владом в детском саду. Моя семья была богатой, но, когда мне исполнилось пять, папин бизнес рухнул, и нам пришлось переехать из столицы в провинциальный городок. Я смутно помню те времена, но свою первую встречу с Владом в детском саду вряд ли смогу забыть. Тощий сутулый мальчишка не дружил ни с кем в груп-

пе, дети обзывали его слабаком и не принимали в игру. Я была новенькой, замкнутой и неактивной, но к Владу почему-то потянулась. Мы подружились в первый же день и с тех пор никогда не расставались. Вместе в школу, одиннадцать лет за одной партой, пять лет в одном институте, его первые шаги в спорте, мои – в карьере, первые поражения, раны, драки, провалы и удачи – мы всё проживали вместе. Мы знали друг о друге больше, чем наши семьи – о нас. Всю жизнь, которую я помнила, он был рядом, и всю жизнь я бережно хранила внутри болезненные безответные чувства, а он продолжал называть меня «лучшим другом» и «сестрёнкой», гонять моих ухажёров и сводить с ума.

Я даже пыталась что-то делать. Пробовала избавиться от этих чувств, пробовала встречаться с другими парнями, пока не поняла наконец, что делаю только хуже. Лучше уж совсем остаться одной. В редкие моменты особенного отчаяния я думала о признании, но от страха потерять Влада даже как друга тошнило до головокружения.

Снежок недовольно мяукнул, когда я слишком сильно прижала его к себе. Я выдохнула, расслабила объятия и устало закрыла опухшие глаза.

Глава 2

От приторно-медового запаха роз болела голова. Огромный букет мешал обзору, и я старательно отводила взгляд от лужи у крыльца клуба. Она казалась такого же размера, как букет, и приходилось прогонять прочь из мыслей вид нежных белых бутонов, утопающих в липкой грязи. Я упрямо перешагнула лужу и направилась к входу в бойцовский клуб «Витязь».

Охранник Степан приветливо помахал и заверил, что сегодня тоже болеет за Влада. Спонсорские бои были важным ежегодным событием. Собирались спонсоры всех влиятельных клубов и сталкивали бойцов друг с другом. Противников, как правило, держали в тайне даже от самих участников.

Путаные коридоры клуба походили на катакомбы, но я давно выучила каждый уголок. Влад занимался в «Витязе» десять лет и именно здесь прошёл путь от новичка до чемпиона мира. Владелец клуба Гера Мицкевич стал ему близким другом, а сам Романов – гордостью «Витязя» и страны. Ну а меня он таскал с собой, хотя я не могла смотреть на драки. Со временем мы выработали удобную схему: я сидела в кабинете и наблюдала за ходом боя по постам онлайн-журналистов на сайте клуба. В перерывах бросала ноутбук и бежала к арене, но, как только бой начинался, снова уходила.

– Алиса Матвеевна, вечер добрый!

Я почувствовала едкий сигаретный дым и поняла, кто стоит за углом, ещё до того, как столкнулась с человеком нос к носу.

Саша Котов, один из спортсменов, торопливо помахал рукой в воздухе, разгоняя плотные клубы дыма, и отвесил мне поклон. Курить в здании запрещалось, но парня это никогда не останавливало.

– Привет, – улыбнулась я.

– Кто подарил? – восхищённо цокнул языком Котов, ставя переполненную жестяную пепельницу на пол. – Влад расщедрился?

– Дождёшься от него! – фыркнула я.

– Тайный поклонник?

– Скорее, ненавистник.

Саша довольно захохотал над несмешной шуткой, а я пообещала ему встретиться в зале и протиснулась мимо. В носу смешались запахи цветов и сигарет, вызывая тошноту. Тёмно-зелёные холодные стены без окон неожиданно начали давить. Я мотнула головой и ускорила шаг – сейчас отдам Владу букет и уйду в кабинет Геры. У него там огромное окно – надышусь.

Дверь в мужскую раздевалку была приоткрыта. Час назад Влад отправил сообщение, что будет ждать внутри. Я затормозила, решив сначала прислушаться: из-за соревнований все тренировки были отменены, но я опасалась застать кого-нибудь из спортсменов за переодеванием. Опасения были

напрасными: из раздевалки глухим эхом доносился женский голос. Я подошла ближе и различила знакомые звонкие нотки и шепелявую букву «с». Сначала хотела спрятаться, чтобы Лера заранее не увидела букет, но застыла. Ноги словно вросли в пол, а толстые колючки впились в кожу мгновенно вспотевших ладоней.

– Я боялась тебе сказать, Влад, – плакала Лера, – боялась, но я больше не могу. Если бы это произошло один раз, может, я бы промолчала. Ради тебя. Я бы смогла… Но он сделал это снова, понимаешь?

Я не слышала голоса друга, а девушка продолжала всхлипывать:

– Первый раз это случилось месяц назад. Александр Ми… Твой отец, он… – Голос Леры срывался от слёз, а моё сердце пропускало удар за ударом. – Прости меня, Влад! Пойми меня, пожалуйста. Он… он сделал это дважды. Дважды. Мне ничего не оставалось, я вынуждена была пойти к врачу, а потом в полицию.

– Замолчи! – Крик Влада оглушил меня. – Что ты несёшь? Что ты несёшь?!

Пораненная ладонь разжалась и заныла. Я отбросила букет и ворвалась в раздевалку.

Влад сидел на лавочке и сжимал в кулаках волосы на своей макушке, а Лера рядом растирала по щекам косметику и, словно сумасшедшая, качалась из стороны в сторону.

– Что ты несёшь?! – повторял себе под нос Романов, не

поднимая головы. – Что ты, чёрт возьми, несёшь?!

– Они завели дело. – У Леры сел голос. – Они арестовали его, Влад. Если бы я врала тебе, они бы не сделали этого.

Я сдавленно охнула, а Влад поднял голову.

– Что? – спросил он сипло.

– Арестовали. – Лера отшатнулась, не выдержав его взгляда. – Его арестовали. Прости.

За годы дружбы я никогда не видела Влада таким. Перехватив тяжёлый мутный взгляд, я вдруг по-настоящему испугалась за Леру. Девушка рванула было к парню, но я перехватила её за локоть и оттащила в сторону.

Влад двигался медленно, словно не мог заставить тело подчиняться. Он достал телефон и дрожащими пальцами ввёл пароль.

– Что ты делаешь? – Лера попыталась вырваться, но я крепко держала её и вместе с Романовым ждала ответа.

– Какого чёрта он не берёт?! – Друг снова и снова набирал номер. Телефон чудом не треснул в его медвежьей хватке.

В мой локоть впились острые ногти. Я поморщилась и вздрогнула, когда Лера оглушила:

– Отпусти меня!

– Уймись! – сипло попросила я, с ужасом наблюдая за Владом, который метался по раздевалке. Я не знала, что и думать. Я ничего не понимала. Слова Леры не укладывались в голове – отец Влада изнасиловал её? Один из самых честных, чистых и добрых людей, которых я когда-либо встречала в

жизни? Да не может этого быть!

Но откуда тогда такой страх у этой девушки? Откуда трясущиеся руки и искренний ужас в глазах?

Она играет? А если так, чёрт возьми, зачем ей это?

Романов, кажется, едва соображал. Он вновь и вновь набирал номер и слушал длинные гудки.

– Что у вас тут происходит?

Дверь открылась. На пороге появился Гера, в кои-то веки облачённый в классический костюм вместо спортивного. Следом зашёл высокий полноватый мужчина, Пётр Давыдов, – главный спонсор клуба и сегодняшнего боя.

Влад продолжал метаться из стороны в сторону и бил кулаками о стены каждый раз, когда оказывался рядом.

– Ого, – присвистнул Гера. – Алиса, что случилось?

Слова застряли в горле, и я смогла только нервно мотнуть головой. Заныла сжатая челюсть.

Наблюдать за Владом было невыносимо, но я не могла заставить себя отвести от него глаза.

– Он не отвечает. – Друг наконец остановился и поднял голову.

Я всё ещё крепко держала Леру за локоть и не поняла, кому предназначался его растерянный взгляд.

– Он не отвечает на телефон.

– Кто не отвечает? – повысил голос Гера. – Алло, народ! Меня слышит кто-нибудь?

– Поехали домой. – Я не узнавала свой голос. – Может,

он просто не слышит. Он наверняка дома. Может, занят или занимается с учеником. Помнишь, такое раньше было – ты не мог дозвониться, а он просто смотрел телевизор. Влад?

Лера снова заплакала, а я отпустила её руку. Адреналин спадал, мысли становились яснее, а вера в слова девушки испарялась. Александр Михайлович был одним из лучших людей, которых я когда-либо встречала. Примерный семьянин, школьный учитель, которого обожали все вокруг. На пенсии стал подрабатывать репетитором, и ни разу никто на него не жаловался. Изнасиловал? Почти невесту своего единственного сына, которого так сильно любил?

– Поехали. – Теперь я точно понимала, что Романов смотрит на меня, хотя взгляд его по-прежнему оставался пустым. – Домой. Я должен ехать домой.

Он метнулся к двери, но Гера с Петром перегородили путь.

– Друг, далеко собрался? – Хозяин клуба удивлённо потёр лоб, а Пётр трясся от злости:

– Очумел? Бой через пять минут. На ринг!

Лера завыла с новой силой, вызывая нестерпимое желание зажать ей рот.

– Уйди, – взревел Влад, отпихивая Петра.

Давыдов был бизнесменом, а не спортсменом. Жирок в области талии и несколько двойных подбородков не добавляли ему силы, поэтому сдвинуть спонсора с пути Владу не составило труда. А вот с Герой так просто справиться не по-

лучилось.

– Да остановись ты! – выпалил Мицкевич, хватая друга за грудки. – Что случилось?

– На ринг! – Раскрасневшийся Пётр едва устоял на ногах и снова кинулся к Владу. – На ринг, быстро!

Вы, чёртовы идиоты, хоть представляете, как важен сегодняшний бой?!

– Замолчи! – бросил ему Гера.

И Давыдов задохнулся от ярости:

– Если ты сейчас не выйдешь, Романов, ты в жизни не расплатишься за неустойку. Пока не сдохнешь, будешь бесплатно на меня работать, понял?

Взгляд Влада полыхнул ненавистью, и Петру уже грозила сломанная челюсть, если бы Гера не удержал друга, а я не бросилась наперерез.

– Влад, я всё узнаю. Слышишь меня? – Сердце стучало в ушах. – Это ошибка. Это точно какая-то ошибка. Прошу тебя, просто сосредоточься на бое, а я всё узнаю. Всё будет хорошо, слышишь?

По обезумевшему взгляду Романова сложно было понять, слышал ли он меня. Но вырываться прекратил. Я осторожно отодвинула Геру, и тот не стал сопротивляться.

– Всё будет хорошо. Это ошибка. – Слова казались глупыми, но других у меня не было.

Я крепко обняла Влада, встав на цыпочки, и едва не разрыдалась, почувствовав, как дрожит его большое тело. Ро-

манов сначала замер, а потом обнял меня в ответ, сжав до хруста.

– Ошибка, – хрипло пробормотал он.

Глава 3

Не поддаваться панике удавалось с трудом. Отчаяние Влада заражало и путало мысли. Я глубоко дышала, чтобы успокоиться.

Сначала набрала номер его отца. Бесполезно – долгие гудки без ответа. Попробовала ещё несколько раз, но так и не добилась результата. Дозвонилась соседке, но та сказала, что Александра Михайловича нет уже несколько дней – скорее всего, уехал на дачу. Дача находилась далеко за городом, куда в это время уже не ходил общественный транспорт. Такси заказать не получалось: один за другим операторы сообщали о высоком спросе и отсутствии свободных машин, а единственными друзьями, у кого был автомобиль, оставались Гера и Влад.

Очевидно, никто из них не мог отвезти меня сейчас, поэтому я решила дождаться конца соревнований, а за это время попытаться дозвониться до Александра Михайловича или кого-то из знакомых.

Гера и Пётр ушли за Владом. Из зала уже доносились рёв зрителей и оглушительная музыка. Я устало села на пластиковую лавочку и снова набрала номер. Лера сидела в углу, уткнувшись носом в колени.

– Ты тоже мне не веришь? – Она подняла голову.

Я посмотрела на неё и тут же поспешно отвернулась: ды-

хание перехватило от плескающегося в её заплаканных глазах отчаяния.

– Я не могу в это поверить, – отозвалась я честно, – не могу.

Девушка всхлипнула сквозь сжатые челюсти:

– Я не вру.

– Лера, – повысила я голос, – мы разберёмся. Не говори мне сейчас ничего, пожалуйста.

Теряева тяжело выдохнула и опустила голову.

– Я переживаю за Влада, – прошептала она едва слышно. – В таком состоянии… Тарас его не пощадит. Плевать на неустойку, лучше бы уш…

Лера осеклась, а меня словно окатили ледяной водой с головы до пят. Я не сразу осознала, что именно сказала девушка. Не сразу поняла, почему она вдруг встала и, настороженно за мной наблюдая, попятилась к двери.

– Откуда ты знаешь? – Мой вопрос заставил её замереть.

– Что? – Лера судорожно всхлипывала и опасливо косилась на дверь.

Ей снова было страшно, но теперь я понимала, откуда взялся этот страх. Она прокололась. И сама это поняла.

– Откуда ты знаешь, с кем дерётся Влад? – просипела я, вставая.

Лера была выше меня, да ещё и на каблуках, но вновь забурливший в крови адреналин придал силы. Я схватила девушку за грудки и толкнула в сторону.

Она потеряла равновесие, но устояла, схватившись за зашатавшийся металлический шкафчик.

– Ты что творишь?

– Откуда?!

– Влад сказал!

– Влад сказал?! – У меня сбилось дыхание.

Руки затряслись сильнее. Я ненавидела себя за то, что на мгновение посмела усомниться в отце Влада и поверить Теряевой. В её чертовски хорошую актёрскую игру.

– Зачем?!

Я даже не поняла, как дёрнула противницу, повалила её на пол и вцепилась в волосы. Лера взвизгнула и, оцарапав щёку, сжала в кулаках мои пряди. – Зачем ты это сделала? Зачем?!

– Да потому что тошнит уже от всего! – визжала Теряева. – Тошнит от того, что я должна строить из себя непонятно кого, чтобы получить хоть что-то! Я жить хочу нормально! Нормально, а не как бедная родственница! Я достойна лучшей жизни! Я достойна, чтобы меня любили! И ты бесишь, ясно тебе?! Постоянно только и слышу: «Лис то, Лис сё»! Ты мешала нам, понятно?! Всё из-за тебя!

Я задыхалась от ярости. Длинные ногти Леры царапали кожу головы до крови, и от боли слёзы застилали глаза. Я с ненавистью отпихнула от себя девушку, размахнулась и почти ударила её по щеке, но рука наткнулась на преграду.

– Спятили?!

Не удивлюсь, если Гера поседеет после сегодняшнего вечера. Снова ворвавшийся в раздевалку парень был ошарашен не меньше нас обеих. Он поставил меня на ноги и с ужасом смотрел на Леру, которая лежала на полу.

– Сволочь! – Я попыталась вырваться из рук Мицкевича, но тот держал крепко.

Зато Леру никто не держал, и она, поднявшись, прыгнула на меня. Гера успел развернуться и завыл, когда ногти Теряевой впились в его спину.

– Чёрт! Саня, сними её с меня!

Только сейчас я заметила у входа Котова. Он недовольно дёрнул головой, но всё же двинулся к нам, чтобы оторвать Леру от владельца «Витязя».

– Лера, уймись! – Гера с облегчением выдохнул, когда девушка перестала визжать над ухом. – Алиса, что случилось?

Я честно попыталась успокоиться, но меня трясло так, что я едва соображала, где нахожусь.

– Она… Она подставила. Сказала Владу, что его отец… её…

Слова никак не желали складываться в связные предложения. Я тяжело дышала и вцепилась Гере в руку, чтобы не упасть.

– Она знает, с кем дерётся Влад. Знала заранее!

– Ни черта не понимаю, – честно сообщил парень и крепко меня обнял. – Тихо, Алиса, тихо, – говорил он, поглаживая по спине. – Давай успокойся и разложи всё по полочкам.

Влад меня убьёт, если увидит тебя в таком состоянии.

Я всхлипнула и сделала два глубоких вздоха, пытаясь унять клокочущую внутри ярость. Объятия Геры помогали – перед собой вместо ненавистного лица Теряевой я видела темноту. От Мицкевича приятно пахло дорогой туалетной водой с хвойным ароматом, и от этого почему-то тоже становилось спокойнее.

– Гер, – тихо прошептала я, когда мысли чуть-чуть прояснились, – я не знаю почему, но Лера пыталась оболгать отца Влада в его глазах, и…

Я не договорила. В голове рассеялась пелена непонимания, и я наконец догадалась, какую цель преследовала Теряева и откуда знала имя противника Влада. Снова пропустив вдох, я оттолкнула Мицкевича. Расслабившийся парень не успел отреагировать и мрачно выругался.

– Кто он тебе? – Я даже не думала, что могу злиться до всполохов перед глазами. – Кто он тебе?! – Да что ж такое! – взвыл Гера, когда я снова едва не прыгнула на Теряеву. Парень вцепился мне в плечи.

– Кто он?!

– Мой жених! – завизжала Теряева. – Он сделал мне предложение, понятно?! На него поставили в этом бою огромные деньги! Я думала, Влад уедет! Я думала, что просто уедет и не будет драться! Я не хотела, чтобы он выходил на бой, я бы потом во всём призналась!

Девушка завыла и закрыла руками лицо, продолжая ша-

таться из стороны в сторону, а я, оттолкнувшись от Геры, бросилась в коридор.

Всё становилось понятным. Лера надеялась, что Влад не сможет продолжать бой и убежит к отцу, тогда её жениху засчитают техническую победу. Но даже если бы Романов пошёл на бой, оставался запасной вариант: он не сможет нормально драться в таком эмоциональном урагане. Гениально.

Шум в зале едва не сбил с ног. Я замерла, пытаясь сориентироваться, а потом врезалась в разгорячённую толпу. Ноги подгибались, глаза резал свет прожекторов, а уши закладывало от криков. Чужие руки в запале эмоций то и дело задевали меня. Пришлось закрыть лицо, чтобы защититься.

Я поняла, что опоздала, ещё до того, как увидела лежавшего на ринге Влада. Поняла в тот момент, когда услышала презрительное «у-у-у-у-у» и фамилию лучшего друга, которую выкрикивали люди, добавляя оскорбительные слова. Я наконец вырвалась из толпы и застыла.

Все звуки приглушились, а глаза видели только Влада. Его разбитое лицо, неестественно вывернутую правую руку и абсолютно пустой взгляд. Судья стоял над ним, отсчитывая секунды, а в сетку рядом с головой Романова бился Давыдов. Он кричал, чтобы тот поднимался и продолжал бой, но Влад лежал.

На секунду мне показалось, что он не дышит.

И этого хватило, чтобы вернуть мне самообладание. Звуки снова пробились сквозь вату в ушах, и я, оглушённая,

бросилась к рингу.

– Врача! – Мой крик потонул в мощном рёве толпы. – Позовите врача!

Судья закончил отсчёт. Раздался звук гонга, и противник Влада поднял руки, празднуя победу.

Рёв усилился, а я рванулась к входу в клетку, не замечая бросившихся наперерез охранников.

Я оцарапала пальцы и сломала несколько ногтей, прежде чем смогла совладать с решетчатой дверью и попасть на ринг. Соперник Влада с радостным криком бегал вокруг и бил себя в грудь, а Романов лежал пластом и даже не пытался встать. Я бросилась к нему, с трудом переставляя непослушные ноги.

– Влад! – Я не слышала себя из-за шума толпы.

Казалось, открываю рот, но не произношу ни звука. Меня шатало, мир плыл перед глазами, словно я находилась в ночном кошмаре.

Я всегда ненавидела кровь. Ненавидела бои. Ненавидела его раны. А Влад обещал, что не позволит мне увидеть его таким и не позволит никому покалечить себя. Обещал, что я не буду молиться за его жизнь.

Тогда какого чёрта?

Я рухнула рядом с Романовым и снова позвала его. За клеткой продолжал кричать Давыдов, по рингу носился победитель, а у меня сбивалось дыхание. – Влад. – Я дотронулась до слипшихся от пота и крови волос и едва не захлеб-

нулась в крике: – Позовите уже кто-нибудь врача!

Друг не отвечал, но я видела, что его пустой взгляд устремился за решётку, где бесновались зрители. Закусив губу, я наклонилась и с трудом обняла его.

Опасаясь причинить боль, я едва прикасалась к нему, хотя хотелось прижать к себе со всей возможной силой.

– Она соврала тебе, – торопливо заговорила я, надрывая севший голос. – Лера соврала, слышишь? Этот парень, с которым ты дрался, – её жених. На него поставили большие деньги. Они хотели обмануть тебя, чтобы ты слил бой. Вот и всё. Слышишь? Это обман!

Я отстранилась, чтобы убедиться, что Влад меня услышал. И он услышал. Взгляд Романова наконец стал осмысленным.

– Чёрт… – прочитала я по его губам.

Он попытался встать. С трудом сел на колени и зарычал то ли от боли, то ли от злости. Я с ужасом вцепилась ему в плечи, замечая появившихся на ринге врачей. Влад не сдавался. Правая рука болталась плетью, а лицо, широкую шею и тяжело вздымающуюся грудь заливала кровь. К горлу подкатила тошнота, и пришлось зажать ладонями рот.

Романов так и не смог подняться. Поставив одну ногу с колена на ступню, он сдавленно рыкнул и повалился вперёд. Влад был слишком тяжёлый, а у меня уже не осталось сил. Друг провалился в обморок и подмял меня под себя.

– Влад! – Чувствуя, что воздуха не хватает, я в панике засипела: – Влад!

Романова стащили, когда перед моими глазами уже плыли тёмные мушки. Врачи и вовремя подоспевший Гера оторвали от меня друга и уложили его на спину. Мицкевич, который мрачно ругался себе под нос, попытался поставить меня на ноги, но я, едва отдышавшись, снова бросилась к Романову.

– Влад!

Шум в зале немного стих, и теперь я различала свой голос и сиплое дыхание Влада.

– Что с ним?!

Хлопочущий над Романовым врач крикнул, чтобы ему не мешали, и Гера схватил меня за плечи.

– Успокойся!

– Что с ним?!

– Алиса, уймись!

– Влад!

– Алиса! – Гера с силой встряхнул меня так, что болезненно клацнули зубы. – Успокойся! Ты не поможешь ему истерикой!

Мысли смешались. Во рту появился кислый привкус, перед глазами всё снова поплыло, и я едва успела вцепиться в предплечья Мицкевичу, чтобы не растянуться на ринге рядом с другом.

– Чёрт! – Гера подхватил меня на руки.

– Пусти, – взмолилась я. – Пусти. Там Влад…

Парень ничего не ответил и пошёл прочь с ринга. Я хотела

замахать руками, закричать, но разум сдался. Показалось, я всего раз моргнула, но, когда открыла глаза, уже сидела на стуле судьи в зале.

Рядом маячил взволнованный Мицкевич, а под нос кто-то настойчиво подносил ватку с нашатырём. Въедливый острый запах раздражал. Я сосредоточила взгляд на Гере, но так и не смогла понять, что он пытается сказать.

– Влад.

Мицкевич помахал рукой:

– Слышишь меня?

Его голос доносился глухо, словно сквозь вату в ушах:

– Алиса? Слышишь меня?

Я попыталась ответить, но не получилось – мир перед глазами опять поплыл. Гера выругался и крикнул за спину:

– Вызывайте вторую скорую!

Я дёрнулась. Перед мысленным взором появилось окровавленное, искажённое болью лицо самого близкого человека, и это было последнее, что я увидела, прежде чем окончательно потеряла сознание.

Глава 4

Ночь всё не заканчивалась. Время замедлилось, не выпуская из своей тягучей ловушки. Владу оперировали сломанную в нескольких местах руку, вправляли вывих, зашивали рваную рану над бровью, обрабатывали многочисленные гематомы, делали рентген и МРТ. А я всё это время сидела в холодном коридоре и ждала. Слёз уже не было. После обморока эмоции притупились, уступив место равнодушию. Спина ныла из-за неудобного железного стула с короткой спинкой, но я почти не двигалась. Бездумно смотрела перед собой, теребила в дрожащих пальцах высохшую ватку с нашатырём и иногда проваливалась в мутную дрёму.

Гера приехал в больницу, когда операция уже подходила к концу. От усталости я едва смогла открыть глаза, услышав шаги.

– Ты как? – Мицкевич похлопал меня по плечу и со вздохом опустился на соседний стул.

– Нормально, – улыбнулась я.

– Может, домой поедешь?

– Нет. Дождусь, пока Влад очнётся после наркоза.

Гера хотел поспорить, но, заметив, как я упрямо поджала губы, покачал головой.

– Что у него? – спросил он.

– Сильное сотрясение, куча ссадин, вывих и сложный пе-

релом. Говорят, глаз чудом не потерял. – Я немного помолчала и тихо добавила: – Гер, он что, вообще не сопротивлялся? Или Тихомиров на ринг дубинку принёс?

Мицкевич замялся.

– Гер?

– Не знаю, Алис, – сдался он. – Наверное, хотел быстрее закончить бой и поехать к отцу. А Тихомиров пронюхал и с садистским удовольствием оттягивал нокаут. Другого объяснения у меня нет.

Будь у меня чуть больше сил, я бы снова заплакала. Больничный запах вдруг показался нестерпимо резким, и захотелось выйти на воздух, но ноги не держали. Откуда-то потянулся сквозняк и принёс с собой запах хлорки. Грохнуло железное ведро, и к нам, тяжело шаркая, подошла санитарка.

– Ноги поднимите, – недовольно буркнула она. – Расселись тут.

Гера послушно оторвал от пола ноги, а я всё-таки заставила себя встать и поплелась к выходу.

– Пойдём. Подышим, – устало попросила я удивлённого Мицкевича. Игнорируя недовольное шипение санитарки, парень кивнул и догнал меня.

На улице пахло свежестью после ночного дождя, прохладный воздух вынуждал ёжиться. Небо только начинало светлеть. До рассвета ещё не меньше часа. Людей вокруг не было, а из звуков до нас доносились только редкое пение птиц и далёкий вой сирены. Территория больницы утопала в зелё-

ных деревьях, на ветвях которых уже можно было заметить редкие жёлто-красные листья. Осень вступала в свои права. Дожди лили чуть ли не ежедневно, и с каждой ночью становилось холоднее.

Мы выбрали лавочку под широкими еловыми лапами и присели. Гера галантно предложил мне куртку, но я отказалась. Я, по крайней мере, в водолазке и пиджаке, а вот у Мицкевича под курткой виднелась лишь футболка.

– Ты дозвонилась до его отца? – спросил друг.

Я почти задремала, то и дело передёргиваясь от холода, но встрепенулась, услышав вопрос.

– Он сам мне позвонил, – отозвалась я, стараясь говорить так, чтобы зубы не стучали друг о друга громко, – с другого телефона. Сказал, что на даче.

А его мобильник украли сегодня утром, поэтому он не смог дозвониться до Влада.

Гера присвистнул.

– Всё так серьёзно? – Парень ошеломлённо потирал горбатую из-за нескольких старых переломов переносицу. – Они так тщательно всё спланировали?

Я пожала плечами:

– Может, и совпадение. Но слабо верится.

Мицкевич согласно кивнул.

– Ты сказала ему, что Влад в больнице?

– Нет, – взволнованно мотнула я головой, – у дяди Саши больное сердце. Романов меня бы убил. Я сказала, что был

тяжёлый бой, а теперь он отдыхает.

Гера снова понимающе замолчал, а я вздрогнула, когда на голову с еловой лапы упало несколько ледяных капель. С каждой минутой становилось светлее. Кажется, мы оба задремали, потому что, когда рядом раздалось тактичное покашливание и я распахнула глаза, солнце уже показалось над горизонтом.

– Вы ждали, пока закончится операция Романова? – Высокая грузная медсестра в серой вязаной кофте поверх халата выжидающе смотрела на нас.

– Мы. – Я вскочила, забывая про сон. Гера потёр глаза и кивнул.

– Всё нормально. – Черты сурового лица женщины неожиданно смягчились, губы тронула утешающая улыбка. – Перевели в палату. Спит.

– А можно к нему?

– Часы посещения висят у входа. Приходите к восьми.

Я судорожно выдохнула и опустилась обратно на скамейку. Хотелось спорить и упрашивать женщину, чтобы пустила меня к Владу прямо сейчас, но слова не шли.

– Наблюдала я за тобой, девочка, – неожиданно вздохнула медсестра, положив мне на плечо тяжёлую руку. – Иди. Но, если что, ты зашла самовольно. Я тебя не видела.

Не в силах поверить удаче, я снова вскочила и быстро закивала.

– И не реви. Всё с твоим парнем нормально будет.

Я не стала разубеждать милосердную женщину в иных связях между мной и Владом. Искренне поблагодарила её, обняла Геру на прощание и бросилась к входу, поскальзываясь на сырой после ливня земле.

– Палата 256! – донеслось мне вслед. – Второй этаж направо!

Влад лежал у окна в тесной палате на троих, повернув разбитое лицо к двери. Над бровью несколько швов, левый глаз опух, на скуле огромный синяк, голова перемотана, сломанная рука лежит на тяжело вздымающемся животе. Белоснежный гипс чуть ли не светится на фоне чистого, но посеревшего от времени и частых стирок больничного пододеяльника.

Я тихо прикрыла дверь, стараясь не разбудить соседей по палате и самого Романова. Взяла у стены низкую табуретку и присела рядом с кроватью.

– Слава богу, – устало прошептала я, прежде чем сжала в обеих ладонях тёплые пальцы его здоровой руки, положила голову на матрас рядом с плечом друга и благополучно провалилась в дрёму.

Сквозь сон я чувствовала, как деревенеют мышцы. Согнутая поясница ноет, плечи забиваются и затекают. Но я не пыталась сменить позу, потому что тогда ладонь Влада пришлось бы отпустить.

– Завтрак!

Неожиданный окрик разбудил. Я открыла глаза и тут же зажмурилась, ослеплённая ярким светом.

Осеннее солнце настойчиво заглядывало в окно и уже успело нагреть мне макушку. Я моргнула, медленно разогнулась и посмотрела на Романова. Друг, видимо, тоже только что проснулся. Он сонно щурился и оглядывался, пытаясь понять, где находится.

– Лис, ты почему здесь? – Голос после долгого сна хрипел, и парень закашлялся.

Я улыбнулась, облегчённо выдохнула и аккуратно освободила ладонь из хватки Романова. Он всё утро крепко сжимал её в ответ, и теперь онемение медленно и неприятно таяло. Свободной рукой я поспешно помассировала кожу, чтобы избавиться от ощущения уколов мелкими иголочками.

– Как ты себя чувствуешь?

Влад окинул себя взглядом, задержался на загипсованной руке и мрачно констатировал:

– Отвратно.

Я понимающе кивнула.

Завтрак разносила та самая медсестра, которая на рассвете пустила меня в палату. Она тепло улыбнулась и, поставив на прикроватную тумбочку порцию с кашей для больного, сунула мне в руку коробку печенья и несколько чайных пакетиков.

– Стаканы в тумбочке, кулер с кипятком в коридоре, – прошептала она мне на ухо.

– Спасибо!

– И ты тоже ешь и выздоравливай, – покачала головой

женщина, ставя рядом с тарелкой стакан с крепким чаем. – Такой большой и сильный, а девушку заставляешь переживать. Она за ночь со стеной начала сливаться. Персонал ставки делал: свалится – не свалится.

Щёки загорелись. Я кашлянула, поймав суровый взгляд друга, и улыбнулась: заплывший глаз, швы и огромный синяк делали его попытки выглядеть грозным комичными.

Медсестра покачала головой, ещё раз пожелала приятного аппетита и ушла, оставляя после себя едва заметный запах медицинского спирта.

– Давай я тебе помогу, – тихо произнесла я.

– Лис, иди домой, – мрачно отозвался Влад.

– Ты сам не справишься, – возразила я терпеливо. – Врач сказал, тебе пока нельзя двигать рукой.

– Ты всю ночь здесь просидела? – Казалось, Романов не слышал моих слов. – Ты же была вчера на ринге, я не сошёл с ума?

– Сидела. Была. Не сошёл, – фыркнула я в ответ и упрямо продолжила: – Влад, тебе нужно поесть.

Друг мотнул головой и нахмурился. Попытался привстать, но скривился. Я помогла ему поставить подушку и облокотиться на спинку кровати. Теперь Романов не лежал, а сидел рядом, и от этого его грозный взгляд воспринимался серьёзнее.

– Ты не переносишь кровь. Зачем пошла в зал?

– А зачем ты поддавался? – Я неосознанно повысила го-

лос, но тут же смущённо вжала голову в плечи.

Соседи по палате удивлённо покосились на нас, а я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы прийти в себя.

– Лис… – Друг осёкся. Почесал кожу над швом, снова болезненно поморщился и вздохнул. – Прости, я не думал…

– Не оправдывайся, – мягко оборвала я. – Влад, то, что вчера случилось… Не оправдывайся, пожалуйста. Ты не виноват. Я не знаю, как поступила бы на твоём месте. Я…

Сказать хотелось многое, но не получилось собрать мысли в кучу. Я отвела глаза и растерянно уставилась на стёсанный угол деревянной тумбочки.

Повисшее молчание нарушил Гера. Парень успел съездить домой, переодеться и, видимо, поспать, потому что выглядел гораздо лучше, чем утром. Правда, мрачное выражение лица немного пугало.

– Ты как? – Он подошёл к Владу и пожал руку. Дождавшись ответа, что всё в порядке, Гера бросил хмурый взгляд на часы. – Ну тогда держись. Давыдов паркуется и поднимается.

– Зачем?

Я удивлённо посмотрела на хозяина «Витязя». Тот криво ухмыльнулся и раздражённо хрустнул пальцами.

– Он поставил на Влада. И подбил поставить кого-то ещё из спонсоров. Как думаешь, чем это закончилось?

Я переглянулась с Романовым. Судя по удивлённому лицу

друга, он понятия не имел о ставках.

– Тихомиров, твой соперник – слабенький боец, и все об этом знали, – продолжал Гера. – Пара побед на региональном любительском уровне, не более. У Петра даже мысли не было, что ты проиграешь. А парень с мозгами дружит, раз додумался такую аферу провернуть. Уж прости, друг, но я сомневаюсь, что весь этот цирк – идея Леры.

Имя бывшей девушки Влада неприятно резануло по ушам. Друг скривился и дёрнул меня за руку.

– Ты отцу дозвонилась?

Я кратко пересказала наш разговор со старшим Романовым. Влад кивнул и со стоном откинул голову на подушку.

– Да уж, дерьмовый денёк у тебя, – прокомментировал Гера, а Романов ничего не успел ему ответить, потому что дверь с грохотом открылась.

Палата как будто стала у́же, когда крупное тело Петра Давыдова появилось на пороге. Лицо мужчины искажала ярость, гневно сжатые кулаки побелели, а губы дрожали от нервного напряжения.

– Лежишь? – Пётр сплёвывал слова, будто яд.

Гера закатил глаза, а Влад равнодушно отозвался:

– И тебе доброе утро.

– Да пошёл ты к чёрту! – Давыдов ринулся к нам, чудом не задевая широкими бёдрами углы кроватей. – Ты хоть понимаешь, что натворил?

Пожилой пациент с загипсованной ногой, который лежал

на кровати у двери, поправил очки и недовольно поджал губы:

– Молодой человек, а можно не выражаться? Это общественное учреждение. Молодые люди до этого мило общались, не устраи…

Пётр не стал его слушать. Невежливо оборвал и выругался. Дедушка возмущённо закашлялся, но продолжать спор не решился.

– Я на такие бабки попал… – С каждым словом голос Петра становился громче. – Я из-за тебя попал на огромные бабки!

Он замер в проходе, вцепившись в спинку кровати. Казалось, ещё чуть-чуть, и пластик лопнет в его пальцах. Я испуганно переглянулась с дедушкой-пациентом, а тот потянулся к кнопке вызова персонала.

Правильно, вызвать охрану – лучшее решение.

– Ошибаешься! – В отличие от меня Влад Давыдова не боялся. – Я с тобой никаких сделок не заключал. Ведёшь грязные дела – отвечай сам.

Пётр подавился вздохом и, не сдержавшись, бросился к Владу. Гера стоял у окна, сложив на груди руки, и не успел среагировать. Зато я была рядом и на автомате рванула Давыдову наперерез. От тяжёлого толчка в грудь я пошатнулась и врезалась копчиком в тумбочку.

– Ты охренел?! – взревел Влад.

Он отбросил одеяло и подскочил, но Мицкевич успел пер-

вым.

Я бросилась под руку шатающемуся Романову, а Гера уже скрутил Петра.

– Уймись! – рявкнул он. – Какого чёрта ты творишь?

– Влад, сядь! – взмолилась я. – Тебе нельзя вставать, у тебя сотрясение! Осложнений захотелось?

– Пошёл вон отсюда! – Громкий голос разъярённого друга эхом отталкивался от пустых больничных стен. – Пошёл вон, если жить хочешь!

Охрана прибежала вовремя. Пока сопротивляющегося Петра уводили из палаты под причитания дедушки-соседа, а мы с Герой пытались уложить на кровать разгневанного Влада, мой телефон разрывался от звонков. Абонент был настойчив, я не отвечала, звонок срывался, но тут же начинался заново.

– Ты пожалеешь, – мрачно шипел Давыдов, – можешь попрощаться со своей карьерой! Я тебя уничтожу, Романов!

Его выволокли за дверь, и в палате наконец стало тихо.

– Неужели он так много поставил? – спросила я у Геры, когда пыхтящий Влад всё-таки улёгся.

– Очень, – кивнул тот. – Вариант был беспроигрышным.

– Лис, ты как? – Романов схватил меня за запястье. – Сильно ударилась?

– Я не ударилась, успокойся. – Я показательно покрутилась на месте и улыбнулась. – Видишь? Всё нормально. Не скачи. Тебе лежать надо.

– Если хоть царапину оставил… – процедил друг.

Я устало закатила глаза. Он всегда был таким. До десяти лет я гоняла от сутулого слабого мальчишки хулиганов, а потом Романов начал расти, заниматься спортом и носиться со мной как курица-наседка с яйцом. Обидчиков у меня было немного, а те, которые встречались, рано или поздно знакомились с Владом и теряли желание меня обижать.

Телефон снова зазвонил, и я всё-таки раздражённо ответила, даже не взглянув на экран:

– Да!

Несколько секунд слушала тишину, а потом обиженный женский голос недовольно протянул:

– Могла бы и приветливее поздороваться с матерью.

Глава 5

Домофон радостно запищал. Тяжёлая стальная дверь открылась, пропустив в знакомый с детства подъезд. Едва переставляя ноги, я поднималась по лестнице, устало замечая, что ничего не изменилось: те же горшки с фиалками на подоконниках лестничных пролётов, те же прозрачные пыльные занавески, та же потрескавшаяся зелёная краска на бетонных стенах и тот же запах сырости из подвала. Только обычно я быстро взбегала на четвёртый этаж, а сейчас обессиленно ползла, цепляясь за пластиковые перила.

Вчерашний день и сегодняшняя ночь выпили меня до дна, но мама не хотела ничего слушать и заставила явиться на внеплановый семейный обед. Вдоволь высказав по телефону обиду за долгий и «невежливый» ответ, она заявила, что нас ждёт чрезвычайно важный разговор. Все попытки перенести его на другой, более удачный день закончились провалом.

Стоило переступить порог квартиры, и на меня тут же налипла духота. Мама никогда не любила сквозняки, поэтому окна открывались разве что раз в полдня, и то ненадолго. В воздухе витали аппетитные запахи тушёного мяса и свежей сдобы, от которых живот голодно заурчал. Пачка печенья, подаренная добросердечной медсестрой, была давно съедена и не замечена желудком.

– Мам! – Я сбросила ботинки в тамбуре и захлопнула за

собой входную дверь, с наслаждением ступая по ворсистому ковру. – Я пришла!

– Алиса! – Мама выскочила из кухни.

Её идеально покрашенные светлые волосы лежали в мастерской укладке; грамотный макияж зрительно молодил, хотя мама и без него всегда выглядела младше своего возраста; кухонный фартук был повязан на красивое выходное платье. Мама купила его недавно, планируя провести отпуск с папой в столице, посещая театры, кино и прочие заведения высокой культуры.

– Ты чего? – Я удивлённо замерла. – Ты собралась куда-то? Зачем меня тогда позвала?

Мама в ответ рассматривала меня с ужасом и даже заговорить смогла не сразу. Потом сорвалась с места, схватила за локоть и потащила в комнату. После моего переезда родители ничего там не меняли. Мы жили в нескольких автобусных остановках друг от друга, и я была частым гостем, несмотря на постоянные конфликты. Главный из них был основан на банальной теме, которую мама снова завела, как только захлопнулась за спинами дверь.

– Алиса, как ты выглядишь? Ты видела себя? Ты так шла по городу? Господи, стыд какой, что люди подумают? – странно шипела мама.

Казалось, она хочет повысить голос, но сдерживается. От возмущения она размахивала деревянной лопаткой, зажатой в правой руке, а я нахмурилась:

– У нас что, гости?

– Гости! – шёпотом цыкнула мама. – А ты выглядишь хуже, чем подросток после пьянки! Переодевайся и приведи лицо в порядок! Немедленно!

Я привычно пропустила мимо ушей обидные слова и перегородила маме дорогу, когда она почти бегом бросилась в коридор.

– Кто там?

– Костя и его родители! – взвизгнула она, но понизила голос, испуганно оглянувшись: – Мальчик с иголочки оделся! Цветы и тебе, и мне принёс, ждёт тебя уже два часа, а ты сначала шляешься непонятно где, а потом являешься в таком виде!

– Мама, я тебе объяснила по телефону, – обычно я была сдержаннее, но усталость уничтожила терпение, – я всю ночь провела в больнице. Слышишь меня? Всю ночь. Влад серьёзно пострадал, я чуть с ума не сошла!

Я закатила глаза и неосторожно положила сумку на дубовый комод, задев несколько ярких баночек с косметикой. Одна из них упала и покатилась по полированной поверхности.

– Я сто раз тебе говорила не таскаться за ним! – Мама гневно сложила на груди руки. – Увязалась за ним с детства, а он тобой как глупой дурой играет! Алиса, тебе замуж пора! Двадцать пять лет, сколько можно? Даже не спорь со мной, переодевайся сейчас же и красься!

Баночка достигла края и рухнула вниз. Я поймала её на лету, осторожно поставила на место и двинулась к белому дивану у стены, крепко сжав кулаки и уговаривая себя не повышать голос.

– Я тысячу раз тебе говорила, что не хочу замуж, – произнесла я ровно, хотя хотелось закричать. – Хочешь, – непреклонно заявила мама. – И Костик – идеальный вариант. Всё, дочь, хватит спорить! Приводи себя в порядок и выходи. Я попытаюсь пока хоть что-то придумать, чтобы оправдать тебя перед его родителями. Стыда не оберёшься…

Она недовольно цыкнула и вышла, а я рухнула в мягкие подушки дивана и зарылась руками в волосы. Как же хочется спать!

Завибрировал телефон. Я со стоном потёрла лицо и села, доставая его из кармана.

«Лис, я в самолёте. Ночью буду в аэропорту, завтра утром доберусь до города. Не смог дозвониться ни тебе, ни Владу. Передай ему, пусть готовит нервы и печень, пеките каравай и ждите».

Я моргнула, перечитала текст ещё раз, а потом забыла про сон и усталость. Не веря собственному счастью, посмотрела на имя абонента и едва не завизжала.

– Алиса, ты всё ещё не переоделась?

Маме стоило всего на мгновение появиться в дверях, и окружающий мир, который приобрёл насыщенные краски из-за новости о возвращении Вани, снова посерел.

Я перестала улыбаться и откинулась на спинку дивана.

– Не пойду.

Я сама не ожидала, что смогу произнести это вслух. Мама сжала зубы и раздражённо прищурилась.

– Алиса, хватит дурить! Я почти уверена, что Костик собирается сделать тебе предложение! Сейчас же переодевайся… – сказала она и тут же осеклась, понимая, что сболтнула лишнего.

День выдался пасмурным. За окном сгустились тучи, а уютную гостиную согревал тёплый свет от двух торшеров по углам. Большой стол в центре комнаты ломился от блюд. У дивана на низком столике стояла хрустальная ваза с огромным букетом белых королевских роз. От знакомого приторно-медового запаха затошнило, и тошнота усилилась, стоило увидеть рядом с салатницей в центре стола красную вельветовую коробочку.

Костя в строгом костюме сидел на высокой табуретке и скучающе ковырялся вилкой в тарелке. Его мама, ухоженная моложавая женщина, что-то недовольно бубнила сыну, а отец не отрывался от телефона. Когда я зашла в гостиную, Антонина Михайловна, мама Лешего, осмотрела меня с ног до головы и поморщилась.

– Алисочка, – с фальшивой лаской в голосе протянула она, – где ты была в таком виде? Ты даже не причёсана.

Естественно, я не переоделась. После слов мамы я выбежала из комнаты и сразу бросилась в гостиную.

– Алиса? – Леший нахмурился.

Глава семейства, Владимир Алексеевич, скользнул по мне равнодушным взглядом и снова уткнулся в телефон. Меня удивило, что они умудрились затащить и его на семейный обед: растущий бизнес отнимал кучу времени, и дядя Володя почти никогда не появлялся дома.

– Костя, – сказала я, сжав кулаки, – давай выйдем, поговорим.

Парень бросил взгляд на маму, а та отрицательно мотнула головой. Леший спорить не стал и твёрдо заявил:

– Алиса, садись за стол, пожалуйста. Сначала я тебе кое-что скажу.

Он привстал и взял коробочку, а я в ужасе вскинула руки и отшатнулась к двери. Мама больно ущипнула меня за поясницу и перекрыла выход, а Костя замер.

– Алиса…

Его голос звучал торжественно, а мне вдруг показалось, что я стою на грани обрыва. Ещё слово, ещё шаг – и рухну вниз.

– Костя, прошу тебя, не надо!

Парень меня будто не слышал:

– Алиса, мы знакомы с тобой уже давно, и я…

Ради такого важного момента даже старший Леший отложил телефон и с интересом прислушался.

– Костя, стоп! – Мой голос наконец окреп. – Я прошу тебя, не нужно!

– Алиса! – зашипела мне на ухо мама, а Антонина Михайловна оскорблённо поджала губы.

– Костя, прошу, давай выйдем, поговорим!

– Нет уж, говорите здесь! – Мама Кости сложила на груди руки. – Мы отложили все дела, чтобы в этот счастливый момент находиться рядом со своими детьми. А ты сначала являешься в таком виде, а теперь ещё не даёшь моему сыну сказать и слова!

– Тоня, милая, – улыбнулась мама подруге, – девочка в шоке, не обижайся. Не каждый день делают предложение. Такое судьбоносное решение, такая радость!

Я больше не смогла сдерживаться. Вежливость утонула в бессильной ярости, и я заорала:

– Какое предложение? Вы с ума сошли?! – Руки задрожали, и пришлось сжимать кулаки. – Я не собираюсь выходить замуж. Слышите? Не собираюсь! Устроили тут цирк! Что? Дела отложили? Момент планировали? А меня кто-нибудь спросил?!

Мама в ужасе закрыла ладонями рот, а глаза Антонины недобро сверкнули. Дядя Вова раздражённо отпил вина из хрустального бокала, но промолчал.

Я знала, что пожалею о том, что не сдержалась, но ничего не могла с собой поделать. Я слишком устала, слишком много пережила за эти сутки, а никто из них даже не удосужился спросить, что у меня случилось. Осудили мой внешний вид, отчитали и попытались заставить послушно улыбаться

и участвовать в их театре абсурда.

Дыханию мешал вставший в горле ком обиды, и у меня никак не получалось его проглотить. Я чувствовала себя бездушной куклой без собственного мнения, случайным прохожим, которого затащили на цирковое представление и насильно нарядили клоуном.

– Алиса!

– Что «Алиса», мама? Что «Алиса»? Я не человек, по-твоему? Тебе не стыдно? Я – твоя дочь, почему ты так поступаешь?

– Вот именно, – повысила голос мама, – ты – моя дочь! Ты позоришь меня! Немедленно извинись и сядь за стол!

Я осеклась. Маму колотило от злости, и она совсем не слышала меня. Я прикрыла глаза, постаралась успокоиться и тяжело выдохнула. С родителями говорить бесполезно, оставалась последняя надежда, что здравый разум остался хотя бы у Кости.

– Кость, я прошу тебя, прости меня, но… – Бушующую злость удалось унять, но голос всё равно дрожал. – Но я никогда тебе ничего не обещала. Мы не встречались. Я с самого начала сказала, что мы можем быть только друзьями. Ты – хороший друг, правда. Но я тебя не люблю. И тем более не выйду за тебя замуж.

Я боялась его обидеть, боялась увидеть его расстроенное лицо и задеть чувства, ведь как никто знала, что такое безответная любовь. Но Костя меня удивил. Парень не выглядел

обиженным или расстроенным – только раздражённым. Он поджал губы и твёрдо произнёс:

– Ты просто не понимаешь, Алиса. Я тебя люблю, и этого достаточно. Наши родители не против нашей свадьбы. Я просил твоей руки у твоей мамы, и она согласилась.

Я ошарашенно посмотрела на маму, и та упрямо кивнула.

– Согласилась! – с вызовом заявила она. – И ты согласишь…

– Хватит! – Я не хотела кричать, но не сдержалась.

Сдвинула маму с пути, вернулась в комнату, схватила сумку и пошла прочь из квартиры. В гостиной ругались, но я не обращала внимания. Слёзы застилали глаза, обида душила. От усталости трясло так сильно, что я едва попадала пальцами по экрану телефона, когда вызывала такси, – ехать в таком состоянии в автобусе мне не хотелось. Уже в салоне машины, где невыносимо пахло сладким цветочным освежителем воздуха, на телефон пришло сообщение от Кости: «Со временем ты всё поймёшь и всё равно будешь моей».

Всего одно глупое предложение стало последней каплей, и я позорно разревелась на глазах удивлённого таксиста.

Глава 6

Вернувшись домой, я позвонила на работу, попросила пару отгулов, отправила Владу сообщение, что смогу навестить его только завтра, насыпала Снежку корм и без сил повалилась на кровать. Даже пушистое покрывало не сняла: сон сморил, стоило на секунду прикрыть глаза.

Проснулась ночью из-за нехватки воздуха. От духоты мутило, пришлось вставать, чтобы открыть окно. По пути едва не разбила нос, споткнувшись в темноте о мешковатый пуфик у кровати. Распахнула створку и с наслаждением втянула промозглый свежий воздух.

Туман в тяжёлой голове немного рассеялся. Я включила настольную лампу, разобрала наконец кровать и отправилась в душ. Спустя полчаса, чистая и раскрасневшаяся от горячей воды, вернулась в наполненную прохладой комнату. Натянула пижаму с длинным рукавом, выключила свет и забралась под тяжёлое одеяло. Почти уснула, когда почувствовала, как под руку пробрался Снежок. Тяжело вздохнула и снова провалилась в исцеляющий сон.

Казалось, я только прилегла, но когда открыла глаза снова – белые часы на стене уже показывали полдень. Я сонно моргнула и попыталась понять, что меня разбудило. Лишь спустя несколько долгих секунд до затуманенного разума начали доноситься звуки – в дверь кто-то упрямо звонил.

Снежок, пригревшийся под боком, оторвал от лап усатую морду и навострил уши.

– Тоже гостей не ждёшь? – Я ласково потрепала кота по голове.

Тот лизнул мне ладонь и снова уткнул нос в лапы, а мне пришлось вылезать из-под одеяла.

За ночь комната остыла. Плечи тут же покрылись мурашками, а холодный линолеум обжёг босые ступни, но искать тапочки было лень. Заранее не испытывая к гостю трепетных эмоций, я с ворчанием открыла дверь и в то же мгновение оказалась в крепких объятиях. Я вдохнула горький запах сигарет и знакомого древесного парфюма, а голос, по которому я до смерти скучала, забасил на ухо:

– Лис!

– Ванька! – Я мгновенно забыла про сон. – Ванька вернулся!

Друг радостно расхохотался и отстранил меня от себя, удерживая за плечи и осматривая с ног до головы. Да уж, выглядела я после сна и в смешной пижаме в цветочек наверняка комично, в отличие от парня. Высокий подтянутый блондин с удивительно правильными чертами лица, ярко-голубыми глазами, глубоким голосом и чуть вьющимися волосами в любой пижаме оставался бы неотразимым. Девчонки сворачивали шею, когда Никитин проходил мимо, а стоило ему очаровательно улыбнуться – пропадали окончательно.

Помню, когда мы только начинали дружить, Ваня искрен-

не удивлялся, почему я не оказываюсь в плену его сногсшибательной харизмы. Любвеобильный парень не питал ко мне романтических чувств, но был явно обескуражен отсутствием их у меня. Правда, быстро раскусил, через некоторое время поняв, что я по уши влюблена в лучшего друга. Не зря после школы пошёл учиться в медицинский на психотерапевта: его способность видеть людей насквозь всегда поражала.

– А ты всё не меняешься! – Я не выдержала и снова бросилась другу на шею.

Впервые за два дня я вдруг почувствовала себя счастливой и удивительно спокойной. Радостно рассмеялась и обняла его ещё крепче, насколько позволяли силы.

Никитин появился в нашем с Владом тесном мирке в средней школе и навечно в нём остался. В первый учебный день учительница решила помочь новенькому влиться в коллектив и посадила его ко мне, а Романова вынудила пересесть. Влад тогда очень разозлился, и между ребятами разгорелся конфликт, который уже через полгода окончательно превратился в крепкую дружбу.

Сколько себя помню, всегда потешалась, когда Влад и Ваня находились рядом. Если первый вечно носил спортивные костюмы и был скорее похож на медведя из-за большой комплекции и взрывного характера, то второй рядом с ним напоминал сказочного, жутко обворожительного и непробиваемо спокойного эльфа.

– А ты всё расцветаешь, Лис, – фыркнул мне в волосы

Никитин, вызывая хохот своей наглой лестью, и со смехом пожурил: – Между прочим, я даже домой не зашёл и десять минут стоял у тебя под дверью. Устал как собака. Не хочешь покормить любимого друга?

Нам под ноги бросился узнавший Никитина Снежок, а я наконец отпустила друга из объятий и потянула за собой на кухню. Пока парень тискал кота, я готовила завтрак.

– А где Влад? – Ваня сидел на кухонном уголке и гладил мурчащего, будто трактор, Снежка. – Я вчера ему не дозвонился, и сегодня он трубку не берёт. Дома тоже никого. К отцу, что ли, уехал?

Рука дрогнула. Кипяток, которым я заполняла кружку с растворимым кофе, брызнул на стол. Кот испуганно дёрнулся и спрыгнул, а Ваня встал и осторожно забрал у меня чайник.

– Лис, ты чего? – Он поставил чайник на электрическую подставку, вытянул из цветастой коробки несколько бумажных салфеток и промокнул ими горячую лужицу. – Всё в порядке?

– Влад в больнице.

Неожиданный приезд Вани подарил мне львиную дозу положительных эмоций, и, к своему стыду, на несколько мгновений я совсем забыла о двух прошедших днях. А теперь вспомнила, и улыбаться расхотелось.

Никитин стал серьёзным:

– Соколова, что случилось?

Мой рассказ получался путаным, но Ваня всегда понимал меня с полуслова.

Удивительный человек! Я никогда прежде не видела, чтобы он яростно на кого-то злился или в гневе метался из угла в угол. Вот и сейчас, услышав про выходку Леры и её последствия, он лишь на мгновение недобро блеснул глазами.

– В какой он больнице? – Парень скомкал промокшие салфетки и выбросил в мусорное ведро. – Я съезжу к нему. Что-то нужно купить?

– Всё самое важное Гера вчера вечером должен был привезти. – Я взволнованно прикусила губу. – Вань, ты подожди меня, пожалуйста. Соберусь – вместе поедем.

Парень кивнул, а я метнулась в комнату.

В большом зеркале шкафа-купе отражалась невысокая изможденная девушка в дурацкой пижаме, с осунувшимся лицом и синяками, которые от усталости залегли под глазами. Волосы всклокочены, взгляд уставший, и руки всё ещё мелко подрагивают.

Я упрямо показала отражению язык и отодвинула зеркало в сторону. Из шкафа достала тёплую чёрную толстовку и джинсы, стянула пижаму и торопливо переоделась.

– Попей хотя бы кофе! – крикнула я в сторону кухни.

Закрыла шкаф и снова уставилась на своё бледное отражение. Краситься не было ни сил, ни желания. Вздохнув, я понеслась в ванную: быстро умылась, собрала короткие волосы в маленький хвост, бросила необходимые мелочи в ва-

ляющийся у двери рюкзак и вернулась на кухню. Никитин за это время опустошил кружку кофе, вазу с зефиром и яблоками и терпеливо ждал моего появления.

Я посмотрела на него и почувствовала очередную волну щенячьей радости.

– Вань, а ты почему так рано вернулся? Мы тебя через полгода ждали.

В длинных пальцах Вани зашуршал цветастый фантик. Он развернул конфету и встал.

– Друг отца работу предложил в частной клинике. Ты же знаешь, я всегда мечтал остаться здесь. В Берлине невыносимо скучно, пришлось сбежать.

Я никогда не понимала стремление друга жить в нашем городе, учитывая, какие потрясающие перспективы перед ним открывались. Одно только приглашение на стажировку в одну из лучших клиник Берлина чего стоило, а ведь парень на тот момент ещё учился в университете, пусть и на старших курсах.

Но в этом был весь Ваня: тёплый, немного странный и поразительно честный с окружающими и самим собой. Я подошла к парню и крепко обняла.

– Я рада, что ты вернулся, Никитин, – прошептала я тихо. – Чертовски этому рада.

Он улыбнулся и заверил, что тоже очень скучал. Чтобы не расплакаться от избытка чувств, я отстранилась и потянула его из квартиры.

Больница находилась недалеко от дома, поэтому, пока ехали, я не успела расспросить Никитина подробнее о его жизни и взяла с него обещание прийти в гости в ближайшие дни. Когда подъехали, парень задержался на парковке, а я первая направилась по знакомому выбеленному коридору.

В палате оказался Гера. Хмурый парень сидел на табуретке рядом с кроватью Влада и что-то говорил ему мрачным полушёпотом. Уже знакомый дедушка-сосед пытался греть любопытные уши, но, судя по разочарованному выражению лица, успеха не добился.

Неприятное предчувствие кольнуло сердце, когда Мицкевич, увидев меня, поспешно замолчал.

– Привет! – Я подошла и поцеловала Романова в щёку. – Влад, прости, я вчера отрубилась, не смогла приехать.

Гера встал, и я приветливо обняла его. Влад поправил под спиной подушку и осторожно положил перед собой загипсованную руку.

– Неудивительно, – покачал головой Мицкевич, уступая мне место. – Бродила тут вчера как призрак. Я думал, ты не меньше двух суток проспишь.

Романов прищурился:

– Лис, колись. Вчера ещё и дома что-то случилось?

Гера бросил на меня удивлённый взгляд, а я сдавленно кашлянула и пожала плечами.

– Ли-и-ис? – протянул Романов.

– Всё нормально, честное слово. – Я достала из рюкзака

пакет с апельсинами, отодвинула к краю грязную чашку и положила их на тумбочку.

Гера покосился на часы:

– Ладно, вы общайтесь, я пойду. Влад, забегу вечером. – Он немного помолчал и мрачно добавил: – Надеюсь, ты меня услышал.

Романов кивнул другу и пожал протянутую руку. Мицкевич ушёл, а Влад продолжил буравить меня выжидающим взглядом.

– Не смотри так! – Я закатила глаза. – Правда, ничего не случилось. Почистить?

Я разорвала пакет и вытащила два крупных апельсина, но Влад упрямо гнул свою линию.

– Лис, колись. Я же вижу.

Облезлая деревянная форточка неприятно скрипнула, когда в неё врезался резкий порыв ветра. Я подтянула одеяло, накрыв загипсованную руку Влада, и поспешила сменить тему.

– О чём вы с Герой говорили? Что-то произошло?

Влад подозрительно на меня покосился, недовольно фыркнул, но перестал настаивать на своём.

– Произошло, – ухмыльнулся он. – Тихомиров с… – Он замялся и процедил сквозь зубы: – С Лерой приходили утром в клуб.

Апельсины выпали из рук и покатились по полу. Я едва успела поймать самый шустрый, который почти оказался под

кроватью, и, разогнувшись, озадаченно посмотрела на Влада:

– Зачем?

– Требовал взять его в основной состав команды клуба вместо меня. Давыдов согласился сразу, а Гера упрямится. Зачем Лера приходила – не знаю. Группа поддержки, наверное. – Друг пытался скрывать ярость и обиду, но глаза и напряжённые плечи выдавали его.

Он мотнул головой, откинул одеяло и спустил на пол ноги. Я отложила фрукты на белый пододеяльник, пересела на кровать и положила ладонь на сжатый кулак его здоровой руки.

– Влад… Ты… – Я понятия не имела, что нужно говорить. – Ты как вообще?

Ну до чего же глупый и бессмысленный вопрос!

– Ну как, – хмыкнул друг. – Девушка, которой планировал сделать предложение, развела меня как идиота. Я слил бой. Главный спонсор «Витязя» собирается уничтожить мою карьеру; врач сказал, что рука будет восстанавливаться минимум четыре месяца и в течение этого времени – никаких соревнований и боёв. А сволочь, которая спала с моей девушкой, хочет занять моё место. В целом всё отлично.

– Прости! – Я опустила голову и сильнее сжала его руку. – Прости, я не…

– Лис, прекрати извиняться. – Романов тяжело вздохнул и неожиданно криво улыбнулся разбитой губой.

А потом высвободил руку из моих пальцев и, обняв за плечи, притянул к себе, вынуждая носом уткнуться в плечо. Сбивая дыхание, в душу хлынула нежность, а Влад положил подбородок мне на макушку и тихо произнёс:

– Честно говоря, всё было бы гораздо хуже, не будь рядом тебя. Если бы вместо Леры меня предала ты… – Он отстранился, внимательно посмотрел в мои ошеломлённые глаза и закончил: – Этого я бы точно не пережил. Так что, может, оно всё и к лучшему?

– Сравнил ты, друг! – Весёлый голос Никитина вдребезги разбил повисшую тишину.

Я по-прежнему смотрела на Влада, не в силах пошевелиться, а тот позабыл обо мне, когда увидел гостя.

– Никитин?!

Романов, кажется, не сразу поверил глазам.

– Наша Лис, – продолжил Ваня, приближаясь, – скорее душу продаст, чем тебя предаст. Ну, привет, друг!

Неожиданная встреча двух лучших друзей получилась громкой. Пока парни обнимались, били друг друга по спинам и возмущали соседа Влада радостными возгласами, я вышла в коридор и обессиленно рухнула на сдвоенные стулья. Сердце нездорово колотилось, а дрожащие пальцы сводило в судороге. Я ненавидела себя за слабость, за то, что не могла контролировать себя в такие моменты. Ненавидела, но ничего не могла сделать. Мне оставалось только привычно сбегать, чтобы ни Романов, ни кто-либо ещё не заметили

излишне очевидной реакции.

На звонок телефона я ответила, не посмотрев, кто звонит:

– Алло…

– Алиса, – по голосу было понятно – Костя недоволен, – я хочу тебя увидеть. Давай поговорим.

Я тут же пожалела, что ответила.

– Я всё тебе сказала. – Это прозвучало слишком равнодушно, хотя я не собиралась обижать Лешего.

Спохватившись, я мягко добавила:

– Костя, прости, пожалуйста. Я правда сейчас очень занята. И… нам не о чем разговаривать.

Леший раздражённо скрипнул зубами. Я понимала, почему он может быть расстроен, но его злость удивляла.

– Алиса. Я хочу тебя увидеть. – В голосе Лешего зазвучала жёсткость, которую прежде я никогда не слышала. – Я приеду к тебе сегодня.

– Костя, не надо! – возразила я. – Это бесполезно. Я не буду с тобой разговаривать.

– Будешь! – отрезал Леший. Потом понял, что сорвался, и чуть теплее добавил: – Алиса, нам надо поговорить.

Не слушая ответа, парень отключился. А я глупо смотрела в чёрный экран телефона ещё несколько мгновений, пока из палаты не вышел Ваня.

– Ты чего? – Он удивлённо посмотрел на моё растерянное лицо и приподнял брови. – Всё в порядке?

Я заторможенно кивнула и попросила друга вернуться в

палату, пообещав прийти через несколько минут.

Глава 7

Осеннее солнце слабело и с каждым днём убегало за горизонт всё раньше. За разговором с Ваней я не заметила, как стемнело. На маленькой кухне горел тёплый свет, прохладный ветер тревожил тюлевые занавески, а я куталась в серую вязаную кофту, грела руки о пузатую кружку с чаем и, открыв рот, слушала рассказы Никитина про жизнь в Берлине. Друг сидел на кухонном диванчике, с аппетитом уминал уже третью порцию подстывшего плова и в красках делился впечатлениями.

Мы разговаривали уже несколько часов с тех пор, как вернулись из больницы, и я совершенно забыла про время. Лишь случайный взгляд на встроенные в микроволновую печь часы заставил испуганно встрепенуться. Циферблат показывал половину седьмого, а значит, у Кости, работавшего в крупной IT-компании, уже час назад закончился рабочий день. Судя по его угрозе, он как раз должен был подъезжать к моему дому. Днём я несколько раз пыталась дозвониться до Лешего, чтобы переубедить, но парень не брал телефон, а на все сообщения отвечал кратко и раздражающе твердолобо: «Я приеду вечером».

– Лис! – Я вздрогнула, когда Никитин помахал ладонью перед глазами. – Ты слушаешь меня вообще?

– А? Да! Прости, я задумалась.

Я бросила ещё один взгляд на часы и нервно закусила губу. Встречу Вани и Кости нельзя было допустить. Никитин точно потом расскажет Владу, а Романов может наворотить дел, узнав о дурацком предложении. Да и стыдно, если честно, за маму и абсурдность ситуации.

– Лис? – Ваня внимательно смотрел на меня. – Что такое?

Я пожала плечами и показательно зевнула.

– Устала просто. Вань, я заслушалась, забыла про время. Соскучилась ужасно.

Никитин покачал головой и насмешливо протянул:

– Хватит юлить, Соколова. Пытаешься меня выпроводить?

Кто бы сомневался! Разыгрывать спектакль перед Ваней бесполезно: он хорошо читает людей, а я плохо играю на публику. Но слова про то, что я безумно соскучилась, были правдой. Сегодня вечером я впервые за полгода смеялась так непринуждённо.

– Лис, – снова позвал Ваня, – ты с утра странно себя ведёшь.

– Ванька, честное слово, всё хорошо, – улыбнулась я. – Просто устала. Завтра последний отгул, а с утра ещё нужно съездить к Владу.

Врать другу было стыдно. Какие бы дела меня ни ждали, я никогда при других обстоятельствах не выставила бы его из квартиры. Да если бы не Леший, я бы наплевала на сон и слушала его всю ночь напролёт.

Никитин понял, что я лукавлю, сложил на груди руки и прищурился. Я попыталась судорожно что-то придумать, но опоздала.

Трель звонка испугала уснувшего на подоконнике кота. Снежок взволнованно поднял голову и дёрнул усами. Я обречённо вздохнула, а Ваня отставил тарелку с пловом и подозрительно кашлянул.

Звонок повторился. Я с надеждой посмотрела на друга, будто бы ждала, что он убедит меня в нереальности происходящего, но Никитин только поторопил:

– Открывать не собираешься?

Пришлось плестись в коридор и молиться, чтобы Ваня не пошёл следом.

Костя вошёл в квартиру не сразу. Сначала появился огромный букет ярко-бордовых роз. От сладкого запаха и огромного количества крупных бутонов закружилась голова. Не удивлюсь, если цветов было больше сотни. Парень не поскупился, чем заставил чувствовать себя ещё более неловко.

Леший протиснул букет сквозь входной проём и только потом, сияя от гордости, зашёл сам.

– Алисочка, это тебе! – От раздражения, которое звучало в его голосе несколько часов назад, не осталось и следа.

Костя протягивал мне цветы с таким видом, будто давал нищему несколько миллионов долларов.

Кажется, он ожидал, что я немедленно расползусь по полу лужицей и засыплю его благодарностями. Но я упрямо сло-

жила на груди руки и отошла к большому обувному комоду в углу коридора.

– Зачем? – Мой голос звучал сухо.

Я думала о том, что не хочу обижать Лешего, но он не понимал простых намёков, а на прямые слова реагировал резко.

– Что значит «зачем»? – Вот и сейчас парень импульсивно вздрогнул.

Посмотрел на букет, потом на меня, перестал улыбаться и раздражённо поджал губы:

– Алиса, я выбирал этот букет для тебя. Я потратил своё время и деньги.

– Костя, мне от тебя ничего не нужно. Ни твоё время, ни твои деньги, ни цветы.

– Алиса, я тебя люблю! – горячо воскликнул Леший.

Парень не первый раз признавался в своих чувствах, и каждый раз с тяжёлым сердцем я отказывала ему. Но Костя игнорировал отказы и продолжал сводить меня с ума. Со временем я научилась не обращать на это внимания, но сцена с предложением – перебор. Пора было раз и навсегда разрушить замкнутый круг, пусть даже для этого придётся поступить жёстче, чем позволяла совесть.

Я устало потёрла переносицу и покосилась в сторону кухни. Ваня не выходил, за что я была ему благодарна. Рассчитывать, что парень не слышит наш разговор, было глупо: двери на кухню не было, лишь полукруглая арка.

– Костя, я прошу тебя, – я постаралась, чтобы голос звучал твёрдо, – уходи. Если ты хотел поговорить об этом, то бесполезно. Я тебя не люблю, никогда не любила и не полюблю. И замуж я за тебя тоже не выйду. Поэт…

– Алиса! – Костя повысил голос.

Я вздрогнула, поражённая очередным приступом злости. Руки Лешего с букетом нервно дрожали, а лицо скривилось, будто парню было физически больно. Нервным движением он отложил цветы на тумбу у двери и двинулся ко мне.

– Ты просто ничего не понимаешь, – дрожащим голосом говорил Костя. – Я тебя люблю. Этого достаточно для нас двоих. Я смогу сделать тебя счастливой. У нас будут прекрасные дети. Только…

– Какие дети? – Я в ужасе отпрянула от Лешего, когда он попытался нежно взять меня за руку. – Кость, очнись, ты слышишь меня? Я за тебя не выйду! Костя, ни-ко-гда!

Я снова покосилась на кухню, и на этот раз мой взгляд не укрылся от Лешего.

– Кто там? – Парень сдвинул на высокой переносице тёмные брови.

Из кухни донёсся насмешливый кашель, и Костя, не разуваясь, двинулся на звук. Я едва сдержала раздражение, когда подошвы его ботинок бесцеремонно ступили на чистый пол.

– Костя, стой! – Я двинулась следом, но остановить парня не смогла.

Леший уже стоял под аркой и с яростью смотрел на Ваню.

Тот же спокойно пил чай.

– Добрый вечер, Константин, – поздоровался он, широко улыбаясь.

Только в голосе помимо дружелюбия сквозила откровенная издёвка. Костя тоже её услышал и едва не захлебнулся вздохом.

– Кто это, Алиса?

– Это мой друг детства – Ваня, – устало представила я и повернулась к Никитину. – Вань, познакомься. Это Костя Леший – сын маминой подруги. Я тебе рассказывала.

– Занятно, – хмыкнул друг, а Леший, скрипнув зубами, развернулся к нему спиной.

– Алиса, – яду в его голосе могла позавидовать самая гремучая змея, – а не много ли у тебя друзей детства мужского пола? Влад, теперь ещё этот…

– Костя! – Я повысила голос. – Это тебя не касается. Я ещё раз тебе повторяю: уходи, пожалуйста!

– Ах, «не касается»! – разозлился Костя. – Что значит не касается, Алиса? Ты – моя будущая жена! Ваня подавился чаем, а я возмущённо сжала кулаки.

– Я. Тебе. Никто! – процедила я сквозь зубы и добавила, стараясь сохранять остатки спокойствия: – Костя, уходи, пока я на тебя не разозлилась!

Леший уходить не хотел. Он хотел спорить и закатывать истерики, но Никитин решил вмешаться в нашу беседу, которая уже вызывала у меня нервный тик.

– Слушай, жених! – Парень встал, и на маленькой кухне сразу стало очень тесно.

Он шагнул к гостю и положил на его плечо руку. Никитин по комплекции не дотягивал до Влада, но рядом с Костей выглядел внушительно. Да и опыт в драках у парня имелся (сказывалась долгая дружба с Романовым), и уверенность в себе, которой Лешему очень не хватало.

– Иди-ка ты… – Ваня улыбался, но выглядел угрожающе. – Видишь, невеста не в духе.

– Никитин, ещё раз назовёшь меня невестой – больше порога этой квартиры не переступишь!

Друг сделал вид, что закрывает рот на замок, а Леший, надо отдать ему должное, не испугался. Оттолкнул чужую ладонь и нехотя выдавил:

– Если того требует твоя физиология, Алиса, можешь пока гулять. Я не скажу родителям, что ты…

Я застыла, когда поняла, в чём меня пытаются обвинить, а Никитин перестал улыбаться и унизительно схватил Лешего за шиворот:

– Слушай, парень, я серьёзно. Убирайся. Уже не смешно.

– Ты всё равно будешь моей женой, Алиса. – Костя вообще-то был умным парнем, но почему-то сегодня упорно не хотел включать мозги. – Наши родители не против. Я тебя люблю. Этих двух фактов достаточно, чтобы…

– Вали, герой-любовник! – Ваня раздражённо подтолкнул Костю к выходу.

Пока друг выставлял Лешего за дверь, я со стоном опустилась на кухонный уголок и уткнулась лбом в сложенные на столе руки.

Ваня вернулся на кухню с букетом в руках. Положил на стол и сел напротив.

– Красивый, – протянул он, задумчиво рассматривая бутоны, – и дорогой. Слушай, Лис, а может, вернуть его? Смотри, какой щедрый.

– Вань, не издевайся, пожалуйста! – Я поморщилась.

Запах раздражал. Хотелось открыть окно и выкинуть цветы на улицу.

– Ладно, не злись, я пошутил. – Никитин примирительно улыбнулся, взял отставленную кружку, сделал глоток и разочарованно вздохнул.

Была у друга привычка: пить чай или кофе только в том случае, если они чуть холоднее кипятка. Мне казалось, что над чашкой поднимался пар, а он уже недовольно на неё косился. Пришлось вставать и под благодарным взглядом включать чайник.

– А если серьёзно, – Ваня внимательно наблюдал за мной, – что сейчас произошло?

Я бездумно потёрла почти невидимое пятнышко на чёрной полированной поверхности кухонного шкафчика и вздохнула.

– Я же рассказывала тебе про Лешего, – отозвалась я устало. – Сын тёти Тони, маминой лучшей подруги. Они позна-

комили нас, когда я ещё в школе училась.

– А замуж ты когда собрал…

– Никитин!

– Всё-всё, прости! – Ваня поднял руки. – Лис, ты из-за него меня выгнать пыталась?

– Да, прости.

Чайник закипел. Я долила в кружку Вани кипяток, кивнула на его спасибо и снова уселась на диван. – Он звонил утром, обещал прийти. А пока мы болтали, я про него забыла.

– А меня зачем выпроваживала? Что-то я не заметил, чтобы ты горела желанием остаться с этим чудом наедине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.